

НАДЕЖДА ЛАРИОНОВА

НЕ ВОРОТИШЬСЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л25

Надежда Ларионова
НЕ ВОРТИШЬСЯ

Печатается с разрешения автора, при содействии
литературного агентства «Литагенты существуют»

Иллюстрация на обложке *Gruzik*

Дизайн обложки *Валерии Евдокимовой*

Ларионова, Надежда.

Л25 Не воротишься: [роман] / Надежда Ларионова. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 320 с. — (Мистика средней полосы).

ISBN 978-5-17-155620-4

Дочь Александры Федоровны пропала прошлым летом. Последний раз ее видели у железнодорожного переезда. Год спустя в поселке началось странное: сначала слышен треск, это хрустит еловый настил под чьими-то ногами, потом можно разглядеть глаза — две красные фары, как на переезде, только маленькие, будто полыхают. «Кособочка!» — шепчутся в поселке и бегут прочь. Может, это он забрал дочь Александры Федоровны? Никто не знает, откуда появился монстр и как с ним совладать. Сколько девочек пропадет? И что, если каждый в поселке может однажды стать монстром?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155620-4

© Надежда Ларионова, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Содержание

Мамочка	5
Чаюри	31
Жених.....	58
Лешка	88
Козочка	138
Плоский.....	158
Русалка	176
Батюшка	190
Хористка	212
Леший	231
Ведьма.....	262
Таня	290
Пассажир	305

Мамочка

– Женщина! – взвизгивают над ухом.

Александра Федоровна отрывает руку от разложенных радугой турецких маек и поднимает глаза. Продавщица с малиновыми губами нависает над ней. Таращится.

– Женщина, вы брать будете? А?

Александра Федоровна мотает головой.

– Ходют тут, ничего не покупают: «Мне просто посмотреть», – пискляво выговаривает ей продавщица и оттесняет от прилавка.

«Помада размазалась», – думает Александра Федоровна, глядя, как продавщица дует губы и ревниво поправляет бирки.

Вещевые ряды пахнут дерматинном и обувным клеем. Александра Федоровна морщится, но не решается прикрыть нос. Только подтягивает хозяйственную сумку к животу и обхватывает обеими руками. Она идет медленно, покачиваясь по-утиному, а под брезентом бряцают два медных подсвечника. За вещевыми рядами – открытые прилавки с заграничными помидорами, розовощеками, налитыми и такими до неприличия дорогими,

что Александре Федоровне становится тяжело дышать. Она сдвигает берет со лба, утирает лицо и морщится от ворсинок, попавших с перчатки в нос. К запаху помидорной ботвы примешивается плесневый душок. Так пахнет в подвале, куда она спускается за своими скромными припасами. Спускается, осторожно ставя ноги на шаткие перекладки, – как бы ногу не подвернуть, не ухнуть вниз, ведь если ухнет, кто ее искать-то будет? Некому теперь. Александра Федоровна пересчитывает пузатые банки с огурцами, плавающими в мутноватом рассоле, берет из ящика пару подернутых коркой льда картофелин, выбирает пару сморщенных свекольных голов и карабкается назад в едва натопленную кухню. На чай тоже копейки лишней нет, пьет горячий кипяток – чтобы внутренности согреть. Варит постный свекольник и вспоминает Толстого с его вегетарианской диетой.

– Супчик жиденький, но питательный, – слышит Александра Федоровна присказку покойного отца. – Будешь маленькой, но старательной.

Александра Федоровна будет старательной. Нужно дожить, дотянуть до тепла. После долгой зимы на полках осталось немного. А там и на крапивных щах...

– Р-рав! – прыгает на Александру Федоровну грязно-белая болонка, выскочившая между рядами.

Подсвечники в сумке звякают, напоминают. Александра Федоровна протискивается через толпу у ларька с забугорным тряпьем.

– Финские куртки за полцены, только сегодня, граждане, не теснимся, хватит на всех!

Проходит вдоль обшарпанной стены павильона и останавливается у подвала старьевщика. Не успела. Дверь заперта на навесной замок.

– Они закрыты сегодня, – констатирует из-за спины голос с южным акцентом. – В воскресенье приходи – тогда другое дело, целый день работать будут.

Александра Федоровна хочет ответить, что ей воскресенье не подходит: как можно, в воскресенье – на рынок. Но осекается. В воскресенье, так в воскресенье. Никакой разницы.

– Дай бог здоровья, – отвечает она не глядя и идет к выходу. Подсвечники оттягивают руку. Мелодично стучат друг о друга, напоминают Александре Федоровне воскресный зов к заутрене.

С платформы, пошатываясь от резкого мартовского ветра, спускаются пассажиры городской электрички. Хлопают полы плащей, кто-то вправляет спицы вывернутого зонтика. Спицы щелкают, не желают вставать на место. Александра Федоровна сходит с тротуара на мостовую, где толпа разделяется на две части – поворачивает на Ленина или замирает пестрой стайкой на переезде. Ветер с путей налетает с новой силой, и Александра Федоровна вцепляется в берет. И не опускает руку, пока не поскользывается на деревянном

настиле и не хватается за чей-то грубый бушлат. Владелец бушлата охает и съезжает ботинком в жирную придорожную грязь. Оборачивается на Александру Федоровну и недовольно выдергивает локоть.

Толпа дружно переходит пути и направляется дальше по улице, а Александра Федоровна замедляется, ждет, когда парни на углу докурят, вотрут в асфальт бычки. Прикрывает нос платочком, озирается и сворачивает направо. Под соснами синет нерастаявший снег. В сером пальто и сером берете ее почти не видно с дороги. И даже стоящие на платформе не обратят внимания на крадущуюся тень в лесополосе. Иголки налипают на блестящие носы галош, но Александра Федоровна не останавливается. Не решается отереть их о снег или сойти на брусчатку. Рано еще, до фундамента дойти надо. Она идет почти вплотную к платформе, возвышающейся над землей на бетонных сваях.

– Не будешь слушаться – Кособочка утащит!

Александра Федоровна поднимает голову и видит два столба в синих резиновых сапогах и рядом парочку маленьких, ярко-желтых. Из желтых растут тонкие девчоночьи ножки в белых рейтузах. «Бах-бах», – топают они по снегу. А потом поскальзываются, плюхаются в талую жижу. Девчоночка вскакивает на ноги, но уже поздно. По рейтузам расплываются два пятна. Звонкий шлепок разносится от платформы и следом – тонкий рев.

– Утащит! – Шлеп, шлеп.

Рев сливается с отвратительным звоном. Александру Федоровну передергивает. Она жметя к

соснам и замирает: тренькает закрывающийся переезд. Загорается красным глаз светофора.

– Утащит, утащит... – шепчет Александра Федоровна. Жмурится и быстро отходит прочь, от платформы, от ревущей девчонки.

Фундамент серой могильной плитой вырастает из травы. Александра Федоровна падает на колени перед ним, утыкается взмокшим лбом в рыжую, торчащую из снега траву.

Полгода прошло, как она сидела на этом же месте. Сжавшись, нахохлившись под начинающимся дождем. Галоши глубоко увязли в черной жиже, но Александра Федоровна не замечала ни дождя, ни того, как коченеют пальцы на ногах. Только водила ладонью по заросшему бетонному краю и смотрела, как кусочки лишайника осыпаются в грязь. Сгоревшие поленья давно растащили на дрова. Остался только серый, треснувший в центре, бетонный зев. В глубине, где был заложен подвал, хлюпала вода, и возилась окотившаяся полосатая сволочь. Александра Федоровна слышала, как она мяукает, собирает выводок по углам. Александра Федоровна обернулась: «Кыш!» – и встретилась с желтыми дикими глазами. Кошка зашипела на нее, Александра Федоровна чуть не зашипела в ответ: тарашиться на меня вздумала, но...

Воздух разрезал стон. Потом еще и еще. Александра Федоровна не сразу поняла, что звук доносится не с платформы – слишком далеко. И не из леса. Стоны раздавались со стороны путей.

По земле будто пробежала судорога. Александра Федоровна встала и побрела на дрожь, на зовущие стоны.

Поломанные ветки. Черный запекшийся след на траве. Он тянулся по склону в мазутно-блестящую лужу. Александра Федоровна зажмурилась. Но заставила себя посмотреть.

След вел к телу, распластанному, раздавленному, будто бабочка на дороге. Сломанный зонт борщевика закрывал лицо. Где-то под зубастыми темными листьями дергались руки – Александра Федоровна видела только израненные багровые ладони. Стертые о брусчатку локти были неестественно вывернуты. Александра Федоровна подошла к неподвижным, раскинутым ногам. Белый край кости торчал из порванной на бедре штанины.

Снова не стон, а отзвук стона завибрировал в воздухе. Она потянулась к листьям. Но тут тело вскинулось, руки взметнулись наверх, будто кто-то дернул за них, и Александра Федоровна отшатнулась, упала на спину. А тело вытянулось над ней и заглянуло в лицо.

У самого тела лица не было. Под изломанными поднятыми руками, под взлохмаченными окровавленными волосами не было ни-че-го. Был черный скальп, черная зубастая пасть. И глаза. Боль вытекала из них – нечеловеческая, выдернутая из тела, как суставы, как белые края изломанных костей. Боль, которую она услышала, почувствовала разливающейся по железнодорожной полосе.

Пасть растянулась, искривилась жалобно. И из нее тонко-тонко, знакомо так:

– Мамочка...

Александра Федоровна попятилась, цепляясь пальцами за склизкую холодную землю.

– Верни меня, мамочка! – позвал тоненький голос.

Александра Федоровна завозила руками, ища за что ухватиться. Тело двигалось на нее, вращало глазами. Руки опали и плетью свисали вдоль залитого кровью туловища. Выдернутая бедренная кость щелкала на каждом шаге, вправляясь и вновь высываясь из раны.

В спину уколол сучок тополя, повалившегося при пожаре, Александра Федоровна рывком поднялась, перепрыгнула ствол и побежала. За спиной ныло шатающееся тело, звало тоненьким знакомым голосом, Александра Федоровна зажала уши, но все равно слышала за спиной надрывное:

– Ты можешь вернуть меня! Мамочка! Мамочка!

Над головой со свистом проносится птица, и Александра Федоровна дергается и оглядывает железнодорожные пути. Слушает, как сосны трут ветками на ветру и стучит удаляющаяся электричка. Александра Федоровна встает с колен и поворачивает к поселку.

Кривая. Кособокая. Кособочка. Тень между соснами, то ли чудится, то ли вправду стоит – башка набок, руки-крюки, ноги колесом, дергаются отвратительно, будто у опрокинутого на спину жука. И глаза, у-у, страшные, таращатся. Первыми его заметили пассажиры вечерних электричек.

Александра Федоровна стояла с ними на переезде. Один мужчина, высокий, с тонкой черточкой усов под массивным носом, утверждал, что Кособочка вылезла из леса, как только электричка остановилась, – он с отцом на лося ходил, у него глаз набит, сразу заметил, что тварь какая-то из чащи вылупилась на него и следит. А потом тварь эта за ним до самого дома чапала. Только вот собаки испугалась и дригнула восвояси.

Другой, нахохленный, в фуфайке до самого носа. Нос был свекольно-красный, лоб взмокший, и пахло от него совсем не одеколоном и даже не трудовым потом. Так вот он божился, что тварь шарилась у перрона аж в Сиверском. А потом, видимо, зацепилась за приступок или даже припрыгала на своих корявых лапах с чудовищной быстрой, так что, когда он вышел в поселке, она уже была тут как тут и зыркала на него дико, хищнически, но подойти близко не решилась.

Александра Федоровна вздохнула тогда с облегчением – по крайней мере, она людей не трогает.

Переезд вновь закрывается. «Твиньк-твиньк», – отзываются всполошившиеся в кронах сойки. Кособочка выходит в сумерках. Сначала слышен треск, это хрустит под ее ногами еловый настил. Потом можно разглядеть глаза – две красные фары, как на переезде, только маленькие и будто полыхают. И после, если ты, дурак, сунешься ближе, увидишь, как она корчится между соснами, как она раззявит пасть и завоет:

– Ма-а-а! У-у-у-ма! – и давай раскачиваться, припадать на одну ногу, подпрыгивать к путям.

Кто знает, что случилось, когда один бывший ученик, Вова Барашкин, или Баранов, его еще дразнили Бяшей, оказался у Кособочки на пути. Только дружки его, раздавившие бутылку на троих на новом перроне, услышали страшный треск в кустах и крики.

И дружки его сбежали. Бросили и дали деру. Александре Федоровне было стыдно за них. Она их такими не воспитывала.

А потом Бяшу нашли со свернутой шеей. Кучерявая голова смотрела за спину, как самому повернуть нельзя. Руки-ноги вывернуты сгибами наружу. Вместо Бяши между веток рябины висела сломанная шарнирная кукла.

– Мамочка, мамочка, – снова чудится Александре Федоровне, она оборачивается – не глядит ли черная тень из-за сосен. Но нет. Электричка пронеслась мимо, оставляя Александру Федоровну в мертвой тишине со звоном в ушах.

Следом пропали белорусы. Сразу трое – безымянные рабочие в одинаковых футболках с синим «abibas». Имена никто не запомнил, но в последний раз видели их на завалинке у свежесложенного сладко пахнущего смолой соснового сруба. Строили дачу отцу Геннадию. От отца Геннадия об их судьбе и узнала. Пошла в лавку просфоры покупать – а там он стоит. Брови хмурит, на служку ругается. Она ему: «Батюшка, отец Геннадий», – и давай просить, чтобы место на кладбище собрать помог, на хорошее, под березонькой. А отец Геннадий еще сильнее нахмурился и говорит: «Да уж мне и самому пригодится теперь, на три собрать надо». Ну а после службы все только

и говорить стали, как о белорусах. Куда пропали, за пивом ушли, что ли, или на рынок? И как так вышло, что через неделю соседи увидели – собаки дерутся, носятся по всей улице с чем-то то ли окровавленным, то ли костяным в зубах. Проследили и нашли три искореженных трупа в сиреневых кустах. У одного как раз левой кисти не доставало.

Галоши хлюпают по снегу – наверное, те, кто на платформе, могут подумать, что она и есть Кособочка. Александра Федоровна даже хихикает и тотчас зажимает рот рукой – какие пальцы холодные, срочно за пазуху, и по приходе домой ноги в таз с горячей водой, под плед и пропотеть.

Перелесок остается за ее спиной, Александра Федоровна выходит на дорогу и щурится от яркого белого света. Солнце просвечивает через слой облаков, как через мутное стекло. Небо – белая перьевая подушка, придавившая лицо, заглушающая рвущийся наружу крик.

Ветер дует ей в спину, подгоняет Александру Федоровну до самого храма, пока она не ныряет в сухое, медом пахнущее храмовое нутро. Александра Федоровна юркает в притвор, где стоит чан для крещения, где в полутьме горит лампадка у иконы Казанской Божьей Матери. Утыкается лбом в позолоченный край рамы. Молится тихо, почти не дыша, боясь посмотреть в светлый лик:

– Богородица, заступница, видишь мою беду, видишь мою скорбь, помоги мне!

Молится, пока совсем уж нестерпимо не начинают ныть суставы.

Подъем в горку дается ей тяжело. Дом стоит на возвышенности, на рыжем, поросшем соснами обрыве. Забор давно стек по склону вниз, к берегу. А за забором – Оредеж, холодная, порожистая, с шаткими рыболовными мостками и обнесенными рабицей заводами летних лагерей. Крыльцо завешено бурым шерстяным покрывалом, чтобы краска на двери не выцвела. Кое-где ткань проела моль, и через дыры пробиваются тонкие лучики света. Александра Федоровна садится в тени, прислонившись к дровнице спиной, и пытается отдышаться.

«Мамочка, мамочка, ма-ма...» – пульсирует в ушах. Страшное, потустороннее «мамочка». И другое, которое слышала столько раз. «Мамочка, мамочка», – Тата висит на подоле, хнычет, морщится и указывает пальцем на застекленный сервант. Там, в фарфоровой сахарнице, спрятана ее соска. Тате уже третий год, в садик ходит и сама одевается, а на сон все равно «пососыкать» просит. Александра Федоровна закрывает глаза и сдерживается, чтобы не накричать на нее. Детской скулежки ей и на работе хватает. Тата тянет и тянет на одной плаксивой ноте, но Александра Федоровна понимает, что слышит уже не ее, а заунывную поминальную панихиду. Панихиду, которую не спели по Тате. Отказались петь.

«Не отпели, отвели от Господа», – Александра Федоровна сползает по стеночке, под ладонью холодная, влажная доска. Тате пять, и она сама взобралась на дровяник. Глаза блестят, как у кошки, ручки сцепились в шиферный край. «Татьяна, спускайся

немедленно! Я тебе сейчас!» – слышит она свой голос, такой звонкий, молодой и разъяренный. Ну а как иначе, шифер хилый, дешевый, проломится как пить дать. Тата хохочет, заливается, не знает, какая волна поднимается там, внизу, внутри ее матери, волна, которая захлестнет ее, их обеих, захлестнет с головой. Как Тата будет уворачиваться, жаться по углам, кричать жалобно: «Мамочка, мамочка!» А мамочка будет пропускать ее крик мимо ушей.

Веки тяжелеют, в голове гудит. Александра Федоровна зажмуривается и видит Тату в полутьме сеней. Тата возится с застежкой на туфле. В августе темнеет рано, и Александра Федоровна различает только ее беленькую макушку и ровный пробор. «Запаздываю опять, мамочка. Не сердись». На Тате белая блузка, слишком нарядная для ночной смены. Александра Федоровна не отвечает, поджимает губы и хлопает дверью в дом. Тата, Тата – отличница, Тата – гордость своей мамочки, школы, поселка – снова торопится просиживать юбку за кассой.

Татиного лица она больше не видела. И не видела, как на лоб ее, холодный и белый, кладут белый платочек для прощания.

Александра Федоровна обхватывает голову руками, она вся в снегу. Поднимает глаза – с неба сыплются крупные хлопья, похожие на куски булки, которые кидают голубям на церковном дворе.

Кипяток шипит, наполняя белую чашку с розой на боку и золотой каемкой. В последний раз попить из любимого сервиза – кабы знать еще, сколько за него дадут.